
НЕФОРМАЛИЗОВАННЫЕ ДАННЫЕ: МЕТОДЫ СБОРА И АНАЛИЗА

О.Н. Запорожец
(Москва)

«МОБИЛЬНЫЕ МЕТОДЫ»: ИССЛЕДОВАНИЕ ЖИЗНИ В ДВИЖЕНИИ¹

«Мобильные методы» позволяют исследовать перемещения и образуемые ими формы социальности. Невозможность исследовать «жизнь в движении» статичными методами – один из основных тезисов мобильного поворота, в начале 2000-х гг. переопределившего исследовательскую повестку социальных наук. Основное внимание уделяется методам совместных перемещений – наиболее востребованным в исследовательской практике «мобильным методам». Рассматриваются как наиболее популярный из них – метод совместной прогулки, так и менее известные, такие как «следование тенью» и модальный анализ. Описываются основные процедуры «совместных перемещений», их возможности и ограничения, частично реконструируется дискуссия о различиях между «мобильными методами» и «методами исследования мобильности», актуальная для эмпирических исследований перемещений.

Ключевые слова: мобильный поворот, мобильные методы, методы исследе-

Оксана Николаевна Запорожец – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник ИГИТИ им. А.В. Полетаева, доцент кафедры анализа социальных институтов Департамента социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». E-mail: ozaporozhets@hse.ru.

¹ Статья подготовлена в ходе проведения работы в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии НИУ ВШЭ на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров.

дования мобильности, совместное перемещение, совместная прогулка, следование тенью, модальный анализ.

За последние два десятилетия исследования мобильности изрядно утратили свой радикализм и стали частью академического мейнстрима. Интенсивное изучение «мира в движении» позволило описать наиболее массовые и очевидные формы перемещений, их основных агентов, структуры и технологии, которые делают их возможными [1; 2; 3]. Одновременно исследователи мобильности открывали для себя более сложные и менее очевидные состояния самих перемещений, например, «неподвижность» [4; 5] или «слишком подвижный субъект» [6], признавали превращение мобильности в идеологему [7].

В начале 2000-х гг. Дж. Урри, один из основных теоретиков мобильного поворота, отмечал необходимость развития «социологии, которая бы фокусировалась на движении» [1, с. 76]. И хотя десятилетие спустя он уже подчеркивал важность разработки «парадигмы постмобильности» [8, р. 3], мобильность отчасти по инерции, отчасти благодаря несомненной продуктивности подхода остается одним из тематических приоритетов социальных наук.

Достаточно быстро исследования перемещений оказались в ситуации, хорошо знакомой другим предметным полям: создание новых теорий и языков описания значительно опережало разработку инструментов исследования. Было понятно что изучать, но было не очень понятно как это делать. Нельзя сказать, что вопрос о методах исследования «жизни в движении» за последние два десятилетия утратил свою актуальность. Цель этой статьи – произвести инвентаризацию инструментов исследования мобильности, уделив особое внимание «мобильным методам» и техникам их использования в полевых исследованиях.

Необходимость подобного разговора продиктована несколькими обстоятельствами. Прежде всего, с самого начала мобильного поворота исследователи не могли однозначно расставить акценты

в формуле «двигаться нельзя остановиться». Радикально настроенные аналитики выступали против изучения движения «статичными» – традиционными – методами. Дж. Урри и М. Шеллер в своей программной статье 2006 г. «Парадигма новых мобильностей» [9] утверждали, что реалии современных подвижных обществ с их демократизацией и массивификацией мобильности не могут быть схвачены «неподвижными» методами или описаны с помощью концепций, нечувствительных к перемещениям. Ратуя за теоретические и методические новации, они настаивали, что «исследовательские методы должны находиться в движении, чтобы поддерживать мобильность» [9, р. 217]. Однако до сих пор эта позиция не стала аксиомой и требует постоянной аргументации – когда, при каких обстоятельствах и почему исследователю лучше находиться в движении.

Обзор методов исследования перемещений, «ожиданий от них и рисков, связанных с их применением» [10, р. 3] также необходим для ориентации в их стихийно складывающемся многообразии. Несформированность «реестра методов» изучения мобильности вынуждает исследователей ходить по замкнутому кругу – постоянно выбирать «свой» метод из скромного арсенала общеизвестных процедур. При этом, представление о скудости методов обманчиво и продиктовано сложившейся дисциплинарной изоляцией. Зачастую инструменты исследования мобильности развивались независимо друг от друга в различных областях социального знания: культурной географии, качественной социологии, городских, культурных и даже исследованиях организаций. Во многих случаях дисциплинарные границы оказались непроницаемыми, а созданные в их рамках методы неизвестными широкому кругу исследователей.

Следует признать, что «инвентаризация», позволяющая сориентироваться в существующем многообразии, уже неоднократно предпринималась аналитиками [11; 12; 13; 14]. Однако данная задача не теряет своего значения в ситуации появления новых,

и, что более актуально, обнаружения хорошо забытых старых методов исследования мобильности.

Методы исследования жизни в движении

Вопрос, как исследовать перемещения возникает одновременно с декларацией о такой необходимости. Следует признать, что основные инструменты изучения мобильности на протяжении последних двух десятилетий создаются преимущественно за счет пересборки и адаптации уже имеющихся методов, что несколько снижает пафос мобильного поворота, настаивающего на тотальной новизне методологии. Оптимальными методами исследования жизни в движении с начала 2000-х гг. остаются классические – наблюдение (включая совместное движение исследователя и информанта) и дневники (которые ведет человек в ситуации перемещения), а также считаются относительно недавно появившиеся техники анализа интернет поисков, онлайн коммуникации и геолокационные исследования [1].

Развитие исследований мобильности обнаружило востребованность всех перечисленных методов и техник. И все же наиболее популярными из них оказались *совместные перемещения* исследователя и информанта. Причину их популярности стоит искать прежде всего в их привычности и понятности исследователям. Последние отчасти по инерции, отчасти из-за принципиальной позиции «исследовать человеческое человеческим», отчасти по причине незнания или отсутствия навыков обращения с геолокационными и интернет технологиями выбирают совместные перемещения. Не последнюю роль в их популярности играет бюджет – отсутствие необходимости покупать сложное оборудование или программное обеспечение. Именно за совместными перемещениями с середины 2000-х гг. закрепился статус «мобильные методы» [15].

Несмотря на проскальзывающий скепсис: «Разные исследователи, руководствуясь разными соображениями, предлагают разные ответы на вопрос: “Что же такое мобильные методы?”»

[16, p. 232], – расхождения в определении мобильных методов незначительны. В самом общем виде они понимаются как методы получения информации о перемещениях в процессе «совместного физического, виртуального или аналитического движения с исследуемыми субъектами» [17].

Отождествление мобильных методов с методами совместного перемещения достаточно спорно, ведь мобильность может рефлексироваться самим перемещающимся (автоэтнография) или фиксироваться техническими средствами. Однако сложившиеся предпочтения вполне понятны. До сих пор число сторонников «исследования как взаимодействия» превышает число приверженцев автоэтнографии. Последних легко упрекнуть в профессиональном нарциссизме и замкнутости в уютном мире белых образованных и тонко чувствующих мужчин, благо мобильная автоэтнография особенно распространена в рамках британской психогеографии [18; 19] и культурной географии [20]. Подобные укоры не звучат публично, но с удовольствием смакуются в кулуарах тематических конференций.

Часть исследователей мобильности, как правило, антропологи и географы [21], уверены в длительной и успешной истории совместных перемещений как метода исследования. Так, Э. Лорье отмечает, что «способы совместных путешествий» (*modes of travelling with*) долго и успешно используются в изучении «мобильных культур и культур мобильности» [22, p. 107]. Однако более влиятельной сегодня оказалась позиция социологов, убежденных в недавнем изобретении мобильных методов: «Этот тип исследований прежде был не особенно развит» [10, p. 7]. Резкость этого утверждения частично оправдана, ведь чёткого описания процедуры и принципов совместного перемещения, равно как и осознания их в качестве самостоятельных методов или техник исследования, до недавнего времени не было. Ходьба как исследовательская практика, также как и ходьба как культурная практика и повседневный опыт, не представляла особого интереса даже в своих исконных полях: «Этнографы... привыкли делать свое поле

“на ногах”... Однако трудно найти этнографию, которая осмыслила бы ходьбу как таковую» [21, р. 3]. Совместные путешествия определялись общими принципами полевого исследования и индивидуальным мастерством, аналитической чувствительностью и интуицией исследователя.

Растущая популярность мобильных методов в исследованиях перемещений к середине 2010-х гг. внезапно создала эффект исследовательской монополии. Ранее нуждающиеся в постоянной аргументации своей состоятельности методы медленно, но верно вытесняли классические инструменты социальных исследований (интервью, анализ разнообразных документов) из исследований мобильности. Эскалации напряжения в немалой степени способствовало появление сборников, посвященных мобильным методам [10; 11; 22]. Они ясно обозначили то, что уже несколько лет смутно ощущали все работающие в этом поле. Мобильные методы начали претендовать на формирование исключительных аналитических компетенций, особую продуктивность результатов исследования. Однако стихийно сложившаяся монополия мобильных методов сегодня не считается безоговорочной. «Редукция, угрожающая недооценке других методов исследования» [23, р. 168], «методологическая ортодоксия» [24, р. 425] – эти и другие высказывания свидетельствуют об обоснованных сомнениях в возможностях мобильных методов. В продуктивности чего и почему сомневаются исследователи мобильности?

Мобильные методы: основные разновидности

В дальнейшем я сосредоточусь на аналитических инструментах, которые с большим или меньшим основанием можно отнести к методам *совместного перемещения*¹. Я рассмотрю три из них,

¹ В дальнейшем я буду использовать термин «метод» применительно к трем рассматриваемым аналитическим инструментам: совместной прогулке, следованию тенью и модальному анализу. Подобный выбор связан с устоявшейся практикой

начиная с наиболее распространенной и признанной – совместной прогулки (*go along*), продолжая ее своеобразной производной – «следование тенью» (*shadowing*) и заканчивая лишь недавно обнаруженным и постепенно открываемым заново модальным анализом (*modal analysis*). Именно известность метода, выражающаяся в его включенности в полевые исследования, стала для меня основным критерием отбора. Объединяя эти методы в одном обзоре, я сознательно нарушаю границы предметных полей, в рамках которых они возникли: исследований сообществ, организационных и городских исследований, – и по возможности способствую созданию единого набора междисциплинарных мобильных методов.

Забегая вперед, я хотела бы обозначить несколько основных достоинств, объединяющих мобильные методы. Во-первых, своим вниманием к человеку в движении эти методы идеологически и практически закрепляют за ним статус создателя и/или интерпретатора социальной реальности. Фокусируясь на индивидуальных перемещениях, они позволяют рассматривать различные объединения, организации и структуры как производные индивидуальной мобильности, а значит, находящиеся в движении, изменчивые и подвижные. Во-вторых, следование за перемещающимся и понимание его действий дает возможность создать комплексное, многослойное представление об изучаемых реалиях. Итогом совместных перемещений оказывается детализированное описание ситуации, чувствительное к пространственности происходящего, его материальности, эмоциональности и мультисенсорности опытов ее участников [25]. В-третьих, совместность опыта исследователя и информанта – и самим фактом соприсутствия, и обсуждением происходящего – позволяет создать общие рамки референции, разделять значимые смыслы, в каких-то случаях верифицировать

их обозначения в социальных науках. Дискуссия о том, можно ли считать их самостоятельными методами, исследовательскими техниками или процедурами важна, но нуждается в отдельном обсуждении.

предположения исследователя [26; 27]. В-четвертых, следствием совместности движения становится быстрое погружение исследователя в поле, подразумевающее оперативное превращение незнакомого в знакомое [28] без временных затрат и интенсивной работы, предполагаемых традиционной этнографией [12]. Последнее обстоятельство выступает важным конкурентным преимуществом метода с точки зрения постоянно сокращающихся сроков проведения исследования в ситуации грантовой экономики.

Множество эвристических и прагматических достоинств мобильных методов побуждают меня более подобно разобраться с тем, что же они собой представляют.

«Совместная прогулка» как точка отсчета мобильных методов

Совместная прогулка (*go along*) и ее основные разновидности – биографическая прогулка [29], совместные поездки (*ride-along*): велосипедные [30; 31; 32], автомобильные [33; 34] или поездки в общественном транспорте [35; 36] – это метод, с которым сегодня в основном ассоциируются мобильные исследования.

Совместная прогулка как самостоятельный метод исследования была впервые описана в 2003 г. М. Кузенбах в статье «Уличная феноменология. Совместная прогулка как техника этнографического исследования» [26]. Сама Кузенбах и ряд «архивариусов» метода [12] признают, что сходные исследовательские процедуры использовались и ранее, не приобретая тем не менее статуса самостоятельного метода. Именно Кузенбах сегодня считается родоначальницей метода, а сформулированные ею принципы до сих пор используются для аргументации необходимости его применения.

Кузенбах задействует совместную прогулку как инструмент исследования «местных сообществ и их восприятия повседневных проблем» [26, р. 456]. Выбор совместной прогулки был следствием разочарования автора в возможностях этнографического исследова-

ния, основанного на включенном наблюдении и интервью. Кузенбах отмечает, что ни количество, ни качество наблюдений, ни продолжительность интервью, ни установление дружеских контактов¹ не приближали ее к пониманию локальных систем смыслов – не делало понятней отношение местных жителей к своему району и его проблемам. Даже переезд в один из изучаемых районов и плотное общение с его жителями не позволили ей в полной мере понять смыслы, которыми наделяются пространства, объекты, взаимодействия или происходящие события. Не имея возможности уточнить значимые детали, она невольно оставалась в рамках собственных интерпретаций, ограниченность которых она хорошо понимала.

Спонтанным ответом на сложившееся непонимание стали совместные прогулки с местными жителями, позволившие, наконец, вскрыть неочевидные смыслы повседневной жизни исследуемых сообществ. Постепенно совместные прогулки кристаллизовались в процедуру, прописанную в самых общих чертах, что абсолютно соответствует логике качественного исследования: «Полевая работа не знает “метода”»: она полагается на прагматизм, удачу и моральную восприимчивость. Главными для ремесла полевой работы (как и для любого другого) остаются знание разнообразных техник и желание вносить изменения, не следуя сухим предписаниям методических пособий» [37, с. 12].

Процедурно совместная прогулка достаточно проста. Она представляет собой сопровождение информанта в его движении по некоторому (обычно привычному для него) маршруту. Исследователь может попросить разрешения присоединиться к информанту в его запланированных перемещениях, а может инициировать их. Во втором случае маршрут строится как ответ на достаточно общий

¹ В своей статье Кузенбах отмечает лишь общую длительность проекта (3 года), количество интервью (61) или включенных наблюдений (18 месяцев), что не дает возможности понять, когда именно произошел «слом», потребовавший дополнить уже задействованные методы совместной прогулкой.

вопрос исследователя, например: «Покажите мне, пожалуйста, ваш район», «Давайте пройдем по вашему обычному маршруту», «Расскажите мне, где вы гуляете» и проч. Формулировка вопроса-задания достаточно сложна и представляет собой компромисс между желанием сфокусироваться на конкретном сюжете и не потерять более широкое видение ситуации.

Основная задача совместной прогулки, по мнению М. Кузенбах и ее многочисленных последователей, – получить доступ к «аутентичному» опыту освоения и проживания определенного пространства. Для этого необходимо удерживать баланс между собственными интересами и особенностями восприятия ситуации информантом. Главное предписание метода, адресованное исследователю – не создавать искусственных смысловых акцентов своим интересом к определенным сюжетам или событиям: не останавливаться в интересовавших его, но проходных для информанта местах, избегать подробного расспрашивания, если тема неважна для информанта. Прогулка обычно сопровождается беседой, раскрывающей смыслы увиденного. И прогулка, и беседа фиксируются специальными техническими средствами – диктофоном, фото- или видеокamerой, хотя в ряде случаев исследователи предпочитают ограничиться заметками по ходу движения или дневниковыми записями. Как правило, они не сообщают технических деталей своей полевой работы – как использовать камеру, как вести аудиозапись и проч. Это косвенно указывает на приоритетность технологически не опосредованного взаимодействия, в котором сам исследователь – его память, его чувства, его тело, – превращается в инструмент изучения. Кроме того, не отрицая своей связи с традиционной этнографией, сторонники данного метода полагают, что имеющихся знаний о полевой работе здесь необходимо и достаточно.

Совместная прогулка виделась Кузенбах способом преодоления многих несовершенств этнографического исследования и прежде всего двух его базовых методов – интервью и включенного наблюдения. По мнению Кузенбах, «классическое» включенное

наблюдение не ведет к автоматическому сближению наблюдателя и изучаемого сообщества. Зачастую исследователь оказывается ограничен своим опытом и интерпретациями. Частота или длительность наблюдения в данном случае не может служить гарантией ни сближения с сообществом, ни расширения используемых интерпретативных схем. Таким образом, исследуемые феномены «герметизируются», становясь недоступными аутсайдеру. Список недостатков «классического» интервью, составленный Кузенбах, гораздо внушительнее. Его главным ограничением выступает создание дистанции между рассказчиком и пространством, о котором идет речь. Следствия дистанцирования разнообразны, но всегда негативны. Во-первых, речь идет о невозможности соотнесения высказываний информанта и пространства действия, а значит, о базовом непонимании «о чем именно говорят информанты» [26, p. 459]. Во-вторых, дистанцирование не способствует проговариванию нюансов опыта, повседневных практик, эмоций и чувств, поскольку подобные детали тесно связаны с пространством. Пространство в этом случае выполняет роль стимула, позволяющего если не «вспомнить все», то определенно быть более чувствительным к мелочам и деталям, важным для восприятия повседневности. В-третьих, дистанцирование нивелирует значение случайности и кратковременности. Кратковременные опыты, размышления и чувства, вызываемые пространством и происходящими в нем событиями, важные для понимания его смыслов, в «разговоре постфактум» вытесняются многообразием событий и впечатлений, и, вполне предсказуемо, утрачиваются. Случайности также редко упоминаются в интервью, сосредоточенном скорее на «обычном» развитии событий. Вместе с тем они составляют значительную часть событий *in situ* и важны для понимания различных сценариев, реализуемых локальными сообществами.

Для преодоления этих и многих других недостатков и совершается «совместная прогулка». Парадоксально, но провозглашаемая сегодня одним из основных методов исследования

мобильности совместная прогулка изначально рассматривалась не как метод исследования движения, но как инструмент исследования пространства и пространственных практик. По мнению Маргарет Кузенбах, совместная прогулка особенно продуктивна в исследованиях пространственного восприятия, пространственных биографий, пространственных практик, социальной архитектуры локальных сообществ и, наконец, пространственно укорененных способов повседневного взаимодействия.

Ориентированность совместной прогулки на исследование пространства не исчезает по мере развития метода и совершенствования способов фиксирования перемещений. Напротив, она подкрепляется новыми техническими возможностями. Так, Ф. Джонс и Дж. Эванс в своем проекте «Rescue Geography», реализованном в 2007–2009 гг. и посвященном исследованию районов Бирмингема, переживающих активную реновацию, использовали сложные технические решения [38; 39]. С помощью GPS, применяемого в ходе совместных прогулок, они соотносили аудиозаписи интервью и карты района, где происходила прогулка. Итогом соотнесения было картирование нарратива и создание пространственной карты смыслов, фиксирующей малейшие нюансы и значимые детали восприятия городского пространства. Частью исследования выступал методический эксперимент, в ходе которого материалы интервью, проведенного в ходе совместной прогулки, сопоставлялись с материалами «стационарного» интервью. Фокусировка последнего на определенной местности достигалась за счет использования карты города. При всей сложности используемых технических средств результаты исследования нельзя назвать аналитическим прорывом [39]. Вместе с тем одной из важных находок стало обнаружение различий интервью «стационарного» и интервью «в движении». При том, что последнее гораздо точнее фиксирует многообразие смыслов, связанных с конкретным местом, позволяет индивидуальному голосу звучать громче общепринятых городских нарративов, создает детализированную карту пространства, оно проигрывает «обычному»

интервью в работе с масштабами. В ходе «стационарной» беседы информанты, как правило, охотнее говорили о связях различных районов, помещали происходящее в городской контекст, т.е. не ограничивались рассказом об отдельном пространстве и сиюминутных опытах, как это происходило в совместных прогулках.

Дальнейшее развитие методов «совместных перемещений» по большей части было ответом на теоретические вызовы и смену приоритетов. Уже с середины 2000-х гг. особую популярность в исследованиях мобильности приобретают совместные поездки (*ride along*). Увлеченность ими совпала с интенсификацией в культурной географии, городских и культурных исследованиях дискуссии о значимости пешей ходьбы в современном обществе. С самого начала основным видом совместной поездки стала поездка на автомобиле [33], что идеально соответствовало логике момента и теоретическим приоритетам того времени. Именно тогда выходит программная статья Н. Трифта «По городу на автомобиле» [40], которая констатировала исчезновение пешеходного города и объявляла водителя главным городским персонажем. Однако, изменение городской ситуации во второй половине 2000-х гг. – развитие пешеходных зон и велосипедной инфраструктуры – способствовало распространению новых форм совместного перемещения – совместных поездок на велосипеде [30; 31; 32]. Далекое не всегда смена тематических предпочтений в исследованиях мобильности сопровождается изменением метода. В частности, повышенное внимание к пассажирским поездкам, зафиксированное в «Манифесте пассажирскости» [41] никоим образом не способствовало распространению совместных поездок в общественном транспорте как исследовательской практики.

«Следование тенью»

Метод, название которого в равной степени странно звучит и по-русски, и по-английски – *shadowing* (следование тенью или

плотное сопровождение¹) – продолжительное время развивался в полях, на первый взгляд слабо связанных с исследованием мобильности – исследованиях организаций [42; 43; 44] и потребления [45]. Только недавно он начал постепенно проникать в исследования города и повседневной мобильности [46; 47]. Основным популяризатором метода можно считать исследовательницу организаций Б. Чарнявску, чья книга «Следование тенью и другие техники полевого исследования в современных обществах» [48] стала руководством по его использованию².

Суть «следования тенью» заключается в непрерывном сопровождении информанта исследователем в течение определенного времени (от нескольких часов или дней до нескольких недель). Цель сопровождения – как можно детальнее «узнать о повседневных опытах и практиках информанта» [49, р. 70], чтобы реконструировать образуемые ими процессы (логики работы организации, принципы использования городских пространств и др.). Специфика соприсутствия, его продолжительность и непрерывность – эти и другие вопросы определяются предварительной договоренностью, но могут неоднократно пересматриваться в ходе исследования. К. Васкес, Б. Брумманс и К. Гроло полагают, что логика «следования тенью» идеально воплощается в образе тени из сказки о Питере Пэне, которая повторяет движения мальчика, но вместе с тем обладает определенной самостоятельностью и может действовать по своему усмотрению, поддразнивая или преследуя своего обладателя [50].

Будучи созданным за пределами исследований мобильности, «следование тенью» тем не менее разделяет их исходные посылки – понимание современного мира как находящегося в постоянном

¹ Ранее название метода переводилось на русский как «сопровождение» [37]. Однако я полагаю, что из этого перевода исчезает близость дистанции и интенсивность соприсутствия исследователя и информанта, существующие в первоначальном названии.

² Эта книга суммирована в русскоязычной статье Б. Чарнявска [37].

движении и внимание к человеку как основному субъекту мобильности. Как отмечает Чарнявска, популярность «следования тенью» в исследованиях организаций – это прямое следствие и неотъемлемая часть совершающегося в них антропологического поворота: активного заимствования методов и принципов этнографических исследований, в частности, их человекоцентричности [37]. Современные организации уже не видятся аналитикам как целостные конгломераты. Напротив, они представляются как «сети фрагментированных, сложных контекстов, [менеджмент в которых осуществляется] благодаря множеству калейдоскопических движений. Процесс организации происходит одновременно во множестве мест, а организаторы передвигаются быстро и часто. Как отметил... Ларс Страннегард, люди, которых он изучал, постоянно были “уже где-то в другом месте”» [37, с. 8].

Следование за сотрудниками различных организаций: школ, больниц, IT-компаний, бизнес-структур и многих других, – дает исследователю возможность фокусироваться на индивидуальных опытах, подвижных графиках, расширенных возможностями сотрудника самостоятельно организовывать свое рабочее время, спонтанном принятии решений, расплывчатых границах рабочего пространства. В конечном счете, подобная гибкость и «всеядность» позволяют аналитикам описывать организации как образуемые сложными пересечениями и взаимодействиями индивидуальных траекторий.

Исследователи потребления, как и городские исследователи, убеждены, что «следование тенью» позволяет им понять практики пользования пространствами, инфраструктурами, товарами или услугами, которые обычно отличаются от запланированных их создателями.

«Следующие тенью»¹, в отличие от «совместно прогуливающихся», убеждены в недостаточности общих знаний о полевым

¹ В англоязычной дискуссии для описания ролей в «следовании тенью» приняты обозначения «shadower» и «shadowee». Это дает мне основание использовать «следующий тенью» для обозначения позиции исследователя.

исследовании для успешного сопровождения. Слишком много особых вопросов рождает близость и непрерывность совместного пребывания исследователя и информанта. В связи с этим обозначение четких правил и разработка детальных инструкций, регулирующих пребывание исследователя в поле, становится неотъемлемой частью дискуссии о методе, которая, впрочем, во многом повторяет дискуссию о процедурах и практиках этнографического исследования.

Наиболее полное собрание советов и подсказок, касающихся плотного сопровождения, сегодня – это «Следование тенью на работе/как работа: десять рекомендаций для плотного сопровождения в полевой работе» [49]. Рассуждая о трех «классических» стадиях исследования – вхождении в поле, полевой работе и выходе из поля – Р. Джилл, Дж. Барбур и М. Дин дают коллегам практические рекомендации, основанные на их собственном опыте изучения различных полей – атомной электростанции, отделения скорой помощи, предпринимательской деятельности. Они совмещают общие указания и конкретные практические советы (например, захватите с собой что-нибудь съестное, поскольку у вас может не быть возможности купить еду). Наиболее общие рекомендации включают:

А) на стадии входа в поле – (1) обсуждение с информантами задач исследования и общих принципов взаимодействия, включая обозначение «слепых» зон – ситуаций, когда присутствие «следующего тенью» нежелательно; (2) подготовку к следованию как к телесной практике – выбор одежды, соответствующей ситуации (в том числе и по комфортности), понимание своих физических возможностей и их соотнесение с требованиями поля и др.; (3) обсуждение эмоциональной составляющей полевой работы; (4) сбор «чемоданчика исследователя» – вещей, которые могут понадобиться в ходе полевой работы, но к которым может не быть доступа – личных, перекуса, ручек и проч.;

Б) на стадии полевой работы: (5) предварительное знакомство с действующими правилами и приспособление к ним; (6) выбор

оптимальной для себя стратегии ведения записей; (7) «отдых во время штиля» – использование перерывов в наблюдении для отдыха; (8) получение поддержки своим действиям;

В) на стадии выхода из поля: (9) минимизация восприятия исследователя как разоблачителя, того, кто предает огласке повседневную жизнь информантов; (10) продуманный выход из поля [49].

Думается, что столь детальное описание процесса сопровождения и практические рекомендации, помимо прочего, служат своеобразной психологической поддержкой для исследователя, призванной вселить в него уверенность в выполнимости трудной задачи.

Разговор об общих принципах следования тенью включает обсуждение входа в поле, поддержания оптимальной дистанции с информантами и возможность создания общих рамок референции. Использующие метод отмечают допустимость как спонтанного, так и спланированного начала сопровождения. Спонтанное «следование тенью» возможно, когда в близком окружении исследователя есть человек, чей опыт для него интересен и полезен. Так, проект М. Склави¹ начинался с сопровождения дочери своих друзей в школу. Другие авторы отмечают, что начало «следования тенью» не многим отличается от традиционного начала полевого исследования и также требует времени на погружение – получение согласия, установление доверительных отношений, согласование сопровождения. П. Хирон [46], исследовательница повседневной мобильности в Сантьяго, признается, что следование тенью не было для нее быстрым или легким. Жители изучаемых ею районов не горели желанием совершать свои обычные поездки в ее компании. Потребовалось длительное включенное наблюдение и серия глубинных интервью, чтобы местные убедились в серьезности ее намерений и позволили сопровождать себя.

Вопрос о допустимой и желательной дистанции между исследователем и информантом оказался, пожалуй, наиболее острым

¹ Подробнее об исследовании М. Склави см.: [37].

в дискуссии о методе. Единого представления относительно позиции, которую должен выбрать исследователь, не существует. Допускается как использование невключенного наблюдения с его радикальной критической дистанцией [48], так и различные форматы близости – безоговорочная эмпатия [46] или более осторожная «сочувствующая близость» («sympathetic proximity») [44, р. 482]. Самым сложным и достаточно изнурительным для всех участников сопровождения становится сосредоточенность на происходящем – необходимость постоянного внимания к собственным действиям и действиям другого, регулярное возвращение к обсуждению правил взаимодействия.

Можно было бы предположить, что результатом сокращения дистанции и погружения в повседневность информанта в «следовании тенью» будет лучшее понимание смыслов происходящего. Однако исследователи вынуждены признать, что даже столь плотно разделяемый опыт не гарантирует создание общих рамок референции [46]. Во-первых, присутствие не обеспечивает тотального проговаривания ситуации. Во-вторых, ряд смыслов ситуативны и изменчивы. По мнению П. Хирон, для проявления смыслов «следование тенью» должно дополняться другими методами исследования, например, фотосъемкой во время совместных поездок и фотопроявлением впоследствии. Фотопроявление – интервью, стимулом к которому служат фотографии, особенно полезно, поскольку дает информантам возможность артикулировать рутинные слабо осознаваемые практики [51].

Использующие метод полагают, что он позволяет получить ответ на множество аналитических вопросов. Его результатами выступают детальные пространственно-временные карты повседневных маршрутов и траекторий движения, а также описания микропрактик. Кроме того, итогом «следования тенью» могут быть плотные описания телесных опытов, эмоциональных реакций и невербальной коммуникации, о значении которых исследователи помнят, но которые так легко отодвигаются на задний план в силу

недостаточности полученных данных, по-прежнему, основанных преимущественно на интервью.

Отдавая приоритет «следованию тенью» как мобильному методу наиболее релевантному, исследователи мобильной социальности совершают еще один выбор. Фокусируясь не на объединениях, группах, сообществах – объектах, более привычных для социальных наук, они укрепляют поворот не просто к человеку, а к индивиду, постепенно превращающемуся в основной объект исследования. «Следование тенью», пожалуй, как никакой другой метод подчиняет жизнь исследователя ритму и образу жизни информанта, делая очевидным радикальность перехода социальных наук от логики «один исследователь – множество информантов» к логике «каждому информанту по исследователю».

Модальный анализ

Мой рассказ о мобильных методах выстраивается в логике убывания их популярности. Предложенный Ж.-Ф. Агояром в 1979 г. в книге «Шаг за шагом» [52], модальный анализ на долгие годы был благополучно забыт. Своим вторым рождением он обязан Т. Шортеллу, который чуть больше года назад в предисловии к сборнику «Гуляя по городу. Повседневная прогулка как городская теория, метод и практика» [53] ссылается на книгу Агояра как на одну из важнейших методических работ в области городских исследований. Сегодня модальный анализ – это скорее обещание новых возможностей, в отличии от методов, чьи возможности и ограничения поняты и приняты к сведению. Он вдохновляет на создание новых методов исследования мобильности, задавая неудобные вопросы о возможностях привычных исследовательских схем.

Модальный анализ возникает в ходе исследования Агояром «Арлекина» – недавно построенного района Гавра, которому собственно и посвящена книга. Сам автор называет «Арлекин» плотно населенным жилым комплексом, который образует новую

«городскую тотальность». Построенный с нуля и ограниченно связанный с городом, он практически самодостаточен. Автономность «Арлекина» способствует появлению особых практик пользования пространством, а также собственной истории места.

При том, что тезисы Агояра во многом совпадают с базовыми идеями «Изобретения повседневности» [54] – «библии» городских исследований – его книга практически неизвестна широкому кругу читателей. Де Серто и Агояр сходны в своем желании описать город как пространство, создаваемое его жителями, а не навязанное им городскими планировщиками, крупным бизнесом, местными властями или другими агентами влияния. И Де Серто, и Агояра можно назвать адвокатами обывателей – «ничем не отличающихся от других жителей города» [52, р. 3]. Именно их авторы склонны считать настоящими творцами города, а не его неумелыми пользователями, нарушающими прекрасные замыслы архитекторов и планировщиков [52, р. 10].

Одновременно оба автора понимают, что имеющихся у социальных наук методов недостаточно, чтобы уловить слаборефлексивные, кратковременные, обесцененные и самими жителями, и городскими управленцами практики, которыми и образуется городская повседневность. Для Агояра подобное ограничение превращается в интеллектуальный вызов, ответом на который становится создание модального анализа. Модальный анализ нельзя назвать мобильным методом в строгом смысле слова, поскольку он не подразумевает совместного физического перемещения исследователя и информанта. Однако, если использовать расширенное понимание «совместности», допускающее «виртуальное и аналитическое сопровождение информанта», то он вполне соответствует классификации.

По замыслу Агояра, модальный анализ должен был решить две базовые проблемы исследования повседневных перемещений. Во-первых, дать информантам возможность самостоятельно, без четких директив артикулировать особенности и смыслы прогулки

или ходьбы – практик рутинных и «незначительных», особенности и смыслы которых с трудом поддаются вербализации. Во-вторых, представить городские перемещения как мультитемпоральный опыт. Временное измерение городской жизни крайне важно для Агояра. По его мнению, городские опыты представляют собой сложные временные переплетения, которые нельзя игнорировать или упрощать, поскольку городские практики не разворачиваются лишь в настоящем, в ситуации здесь и сейчас. Модальный анализ призван сохранить сложность временных отношений, позволяя фиксировать прошлое в настоящем, настоящее в будущем и иные переплетения и наложения времен. Чуткость к временной многослойности, равно как и чуткость к разноплановности повседневных опытов (возможности говорить о них в общем или погружаться в детали) воплощается в названии метода «модальный анализ». В этом случае модальность (mode) обозначает разные темпоральности и состояния повседневности, возможные переходы между ними, а также способы рассказа о них.

Процедурно, модальный анализ представляет собой сочетание интервью и самонаблюдения информанта. Как и Кузенбах, Агояр полагает, что интервью не может служить идеальным методом исследования городской повседневности – оно упрощает и «уплощает» происходящее. По его мнению, интервью создает общую, недетализированную картину повседневных практик – их «абстрактный коллаж» [52, р. 20]. Из их описания исчезает временная многослойность: прошлое, как завершившееся на момент рассказа действие, торжествует над настоящим. Все это приводит к тому, что описание «утрачивает все живое» [52, р. 20]. Признавая недостатки интервью, Агояр не склонен полностью отказываться от него, полагая, что несовершенства метода могут быть преодолены за счет более активного включения информанта в процесс исследования, стимулирования его рефлексивности.

Принимая во внимание все «за» и «против», модальный анализ в итоговом варианте включает в себя три этапа. Первый – самый

короткий – состоит из задания информанту и непродолжительной беседы. Задание предлагает участнику исследования сфокусироваться на предстоящих ему в ближайшее время прогулках: «Пожалуйста, расскажите мне через несколько недель о ваших прогулках начиная с сегодняшнего дня». Короткая беседа в этом случае ставит целью обговорить детали самонаблюдения, особенности этой процедуры. Второй этап – основной для исследования – включает подробное интервьюирование информанта о его прогулках в течение ранее установленного срока. Третий этап далеко не всегда обязателен и обычно появляется, когда спустя время информанты хотят добавить что-то к уже рассказанному, сосредоточиться на упущенных моментах.

Поскольку модальный анализ только открывается полевыми исследователями, сложно рассуждать о его возможностях и ограничениях. Однако акцент на темпоральности перемещения, в отличие от более привычного интереса к пространствам или практикам мобильности, не может не привлекать своими потенциальными возможностями.

Критика мобильных методов

Возникшие как попытка преодолеть недостатки «классических» инструментов исследования, мобильные методы в свою очередь оказались далеки от совершенства. Впервые смутно ощущаемое недовольство превратилось в публичную критику в 2014 г. в статье П. Мерримана «Переосмысляя мобильные методы» [23]. Мерриман резко критикует постепенный захват исследовательского пространства методами, основанными «на императиве совместности – быть вместе, перемещаться вместе, видеть вместе» [23, р. 174]. Он предлагает продуктивное разделение на «мобильные методы» и «методы исследования мобильности», призванное уменьшить хаотичность и неопределенность современных исследований перемещений. К мобильным он предлагает относить

методы, которые подразумевают совместные перемещения исследователя и информанта, к методам исследования мобильности – все инструменты и техники, позволяющие фиксировать перемещения. Основной тезис Мёрримана заключается в том, что совместные перемещения не могут служить ни единственно возможными, ни оптимальными методами исследования мобильности. Он утверждает: «Наблюдение за какими-то событиями или сопричастие с кем-то в определенном пространстве не дает исследователю возможность получить некоторое “аутентичное” или единственно возможное знание, понимание, свидетельство... Скорее, это дает возможность определенной включенности в происходящее, которое отличается от многих существующих, но не становится единственно возможным» [23, p. 179].

В чем же заключаются основные недостатки совместных перемещений? Я хотела бы сосредоточиться на четырех из них, подвергающихся наиболее жесткой критике: недостаточной чувствительности исследователя к процессу мобильности и его составляющим, «средовом редуccionизме», ограниченной возможности масштабировать ситуацию, нерелексивности к позиции и переживаниям самого исследователя.

Одно из основных критических замечаний, ставящих под сомнение эффективность совместных перемещений, касается недостаточной чувствительности исследователя/исследования к самой мобильности – того ради чего и создавались или реинкарнировались эти методы и техники. Нередко совместное движение заканчивается описанием пространств, организаций, практик взаимодействия как статичных структур. Парадоксальным образом, в исследованиях мобильности движение обесценивается, превращаясь в инструмент изучения, но не в его объект. Получается, что совместное перемещение не гарантирует исследователям чувствительности к мобильности и ее составляющим, поскольку их видение, чувствование и последующие интерпретации в значительной степени подчинены существующим схемам восприятия и языкам описания, представ-

лениям о значимом и незначимом. Обострение чувствительности к перемещениям не воспринимается «совместно прогуливающимися», «следующими тенью» или «модальными аналитиками» как важная задача. Они не считают нужным экспериментировать с расширением восприятия, способами перемещения или языком описания как это делали сюрреалисты, практиковавшие автоматические прогулки [55], или ситуационисты, проблематизировавшие все составляющие перемещения – от его стартовой точки и способов движения до финального результата [56].

Другим недостатком мобильных методов оказывается «средовой редукционизм» – намеренное или стихийное исключение из поля зрения исследователя нюансов изучаемой среды, ее сенсорного многообразия – оказывающее значительное влияние на качество исследования. Ограничение детализации и ее успешное преодоление впервые были описаны исследователями города в проекте, посвященном «пространственным биографиям и изменениям в жизни сообщества» [57]. Гуляя со своими информантами по улицам Кардифа и расспрашивая их о жизни в городе, Т. Холл и его коллеги обнаружили, что город «говорит» куда громче и отчетливее, чем их спутники. Шум ремонтных работ, разговоры прохожих, капризы детей были гораздо различимее на записи, чем рассказы информантов: «Шум прерывал наши беседы, шум раздражал наших респондентов, заставляя их сворачивать свои ответы, в конце концов, шум превратил транскрибирование интервью в сплошную головную боль и вынудил нас в самом начале исследования использовать самые изощренные технические средства... чтобы избавиться от него» [57, р. 1032]. Изначально шум не был интересен, какое-то время он даже входил в список нежелательных помех, избавление от которых гарантирует доступ к искомой информации. Нюансы городской жизни «здесь и теперь» не представляли ценности для исследователей, направляемых собственными представлениями о том, что именно должно быть детализировано. Однако постепенно из нежелательной по-

мехи, устраняемой всеми доступными техническими средствами, шум превратился в основную тему исследования, став деталью, определяющей жизнь города: «Мы уже хотели отказаться от проведения интервью на улице и перенести их в офис, однако шум, ставший одной из главных проблем нашего исследования, стал и его самой большой возможностью, обратив наше внимание на необходимость более рефлексивного отношения к происходящему и подчеркнув значение звука в городской среде» [57, p. 1032].

Результатом исследования Холла и его коллег стала разработка метода аудиопрогулок (*soundwalks*), фиксирующего звуки, которые сопровождают совместные перемещения. Метод позволил создавать «топографию звука» или, используя более конвенциональное определение – карты звуков (*sound maps*).

К числу недостатков совместных перемещений относится и то, что я условно называю «недостаточность масштабирования». Его можно описывать метафорически: «Зеркало, поднесенное слишком близко, дает возможность рассматривать детали, но лишает возможности увидеть картину целиком» [44, с. 482]. О нем можно говорить и более конкретно. Все перечисленные методы фокусируются на моменте соприсутствия, на настоящем, что приводит к игнорированию или недооценке других временных перспектив – как минимум, будущего и прошлого. Однако они не менее важны, поскольку определяют сегодняшние действия, восприятие происходящего и эмоциональные реакции информанта. Так, например, понимание «конечности» определенной ситуации – скорейшего переезда или изменения способа передвижения (пересаживание с общественного транспорта на свой автомобиль, или наоборот) – существенным образом влияет на отношение информанта к своему сегодняшнему опыту, позволяя ему быть более толерантным или, наоборот, жёстким в своих оценках. Вместе с тем именно эта – более широкая временная перспектива (как, впрочем, и пространственная) – необязательно упоминается информантом в ходе совместных перемещений, когда вся органи-

зация пространства, множество деталей, специфика коммуникации приковывают его внимание к происходящему «здесь и сейчас», отвлекая от других сюжетов.

И наконец, четвертым недостатком совместных перемещений можно считать недостаточность саморефлексии исследователя. Чуткость к собственному опыту давно остается аксиомой в исследованиях человека и пространства. Невозможно полностью дистанцироваться ни от места, которое изучаешь, ни от ситуации, ни от ее участников. От исследователя требуется «перформативная, телесная включенность, взаимодействие с пространством и памятью» [58, р. 834]. Возникает ощущение, что, стремясь уйти от нарциссизма автоэтнографии или психогеографии, он попадает в новую ловушку, пытаясь как можно детальнее запечатлеть «аутентичный» опыт информанта.

Даже признание взаимосвязи и взаимообусловленности опыта совместных перемещений не способствует интересу исследователей к собственным переживаниям. Если вхождение в поле еще как-то рефлексивируется, то пребывание в нем и выход, как правило, остаются без внимания, не считая пересказа курьезов или общих слов о продуктивности опыта, приобретенного во время совместных прогулок [59].

Невнимательность исследователей к собственному опыту, как и ряд проблемных вопросов мобильных методов в целом (о входе в поле, допустимой дистанции и проч.), вызывает некоторое недоумение. Кажется, что, покинув свои предметные поля, методы совместного перемещения утратили и память о базовых принципах исследования и поэтому вынуждены открывать их заново. Хочется надеяться, что изобретаться будет все же не велосипед, а новые принципы полевого исследования.

Заключение

Мобильный поворот, столь ощутимо изменивший исследовательскую повестку и способы теоретизации в социальных науках,

создал спрос на новые методы исследования. К 2010-м гг. мобильные методы не только заявили о своем существовании, но и начали претендовать на монополию в исследованиях перемещений. Сегодня мобильные методы представляют собой достаточно хаотичный набор практик и техник. Это многообразие очевидным образом нуждается в инвентаризации, упорядочивании и систематизации. Выбирая для рассмотрения методы совместного перемещения, я, помимо прочего, старалась закрепить более точное название группы исследовательских техник. Представляя хорошо известные или напоминая об основательно забытых методах, я хотела расширить представление о возможностях выбора, имеющихся у исследователей перемещений.

Многочисленные достоинства совместных перемещений: создание с их помощью комплексного, многослойного, динамичного представления об изучаемых процессах; формирование общих рамок референции – «понимание того, о чем именно говорят информанты»; чувствительность к деталям и сиюминутным опытам; быстрое погружение в изучаемую среду и многие другие, – объясняют стремительный рост их популярности. Очевидные плюсы совместных перемещений делают понятными их экспансионистские настроения и желание вытеснить «традиционные» методы из исследований мобильности. Как показывает опыт, императив «двигаться, нельзя остановиться» оказывается продуктивным не только в изучении перемещений как таковых, но и пространств, темпоральностей, структур, которые образуются движущимися субъектами или регламентируют их перемещения. Думается, что дальнейшее использование совместных перемещений поможет дополнить и расширить список их несовершенств, а значит, усовершенствовать сами методы и/или создать более продуктивные методические «миксы». Хотя возможно выявленные недостатки приведут к уменьшению эйфории и ограничению сферы их действия.

Мне кажется, что наряду со множеством достоинств и не менее впечатляющими недостатками, у методов совместного перемещения

есть важная особенность – они удивляют и расшатывают представления о допустимом и возможном. Они будят воображение и делают нормой поиск решений, какими бы странными и непривычными они ни были. Они напоминают, что методы исследования – это не скучный набор обязательных действий, но процесс создания нового, даже если на поверку оно оказывается хорошо забытым старым.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Урри Д.* Мобильности. М.: Праксис, 2012.
2. *Cresswell T., Merriman P.* Geographies of Mobilities: Practices, Spaces, Subjects. Farnham; Burlington: Ashgate, 2012
3. *Adey P., Bissell D., Hannam K., Merriman P., Sheller M.* The Routledge Handbook of Mobilities. London; New York: Routledge, 2014.
4. *Bissell D., Fuller G.* Stillness in a Mobile World. London; New York: Routledge, 2011.
5. *Bissell D.* Thinking Habits for Uncertain Subjects: Movement, Stillness, Susceptibility // Environment and Planning A. 2011. Vol. 43(11). P. 2649–2665.
6. *Bissell D.* Narrating Mobile Methodologies: Active and Passive Empiricisms // Mobile Methodologies / Ed. B. Fincham, M. McGuinness, L. Murray. Basingstoke; New York: Palgrave Macmillan, 2010. P. 53–68.
7. *Endres M., Manderscheid K., Mincke C.* The Mobilities Paradigm: Discourses and Ideologies. London; New York: Routledge, 2016.
8. *Adey P., Bissell D.* Mobilities, Meetings, and Futures: An Interview with John Urry // Environment and Planning D. Society and Space. 2010. Vol. 28(1). P. 1–16.
9. *Sheller M., Urry J.* The New Mobilities Paradigm // Environment and Planning A. 2006. Vol. 38. P. 207–226.
10. *Mobile Methods / Ed. M. Büscher, J. Urry, K. Witchger.* London: Routledge, 2011.
11. *Mobile Methodologies / Ed. B. Fincham, M. McGuinness, L. Murray.* Basingstoke; New York: Palgrave Macmillan, 2010.
12. *DeLyser D., Sui D.* Crossing the Qualitative-quantitative Chasm II: Inventive Approaches to Big Data, Mobile Methods and Rhythmanalysis // Progress in Human Geography. 2012. Vol. 37(2). P. 293–305.
13. *Возьянов А.* Возможности как проблема. Об одном опыте «дигитализированного» самонаблюдения информантов // Шаги/Steps. 2015. Вып. № 3. Т. 1. С. 114–126.
14. *Глазков К., Стрельникова А.* Мобильные методы: движение как часть исследовательской стратегии // INTER. ИНТЕРАкция. ИНТЕРВью. ИНТЕРпретация. 2015. № 10. С. 79–90.

15. *Bærenholdt J.O., Haldrup M., Larsen J., Urry J.* Performing Tourist Places. Aldershot: Ashgate, 2004.
16. *Spinney J.* Close Encounters? Mobile Methods, (Post)phenomenology and Affect // *Cultural Geographies*. 2015. Vol. 22(2). P. 231–246.
17. *Büscher M.* Mobile Methods // *Mobile Lives Forum*. URL: <http://en.forumviesmobiles.org/marks/mobile-methods-697> (date of access: 19.10.2017).
18. *Self W.* Psychogeography. London: Bloomsbury Publishing Plc, 2007.
19. *Sinclair I.* London Orbital. The Walk around the M25. London: Penguin, 2003.
20. *Bissell D.* Passenger Mobilities: Affective Atmospheres and the Sociality of Public Transport // *Environment and Planning D. Society and Space*. Vol. 28(2). P. 270–289.
21. *Ways of Walking. Ethnography and Practice on Foot* / Ed. T. Ingold, J. Vergunst J.. Aldershot, Burlington: Ashgate, 2008.
22. *Laurier E.* Being There/Seeing There: Recording and Analysing Life in the Car // *Mobile Methodologies* / Ed. B. Fincham, M. McGuinness, L. Murray. Basingstoke; New York: Palgrave Macmillan, 2010. P. 103–117.
23. *Merriman P.* Rethinking Mobile Methods // *Mobilities*. 2014. Vol. 9(2). P. 167–187.
24. *Macpherson H.* Walking Methods in Landscape Research: Moving Bodies, Spaces of Disclosure and Rapport // *Landscape Research*. 2016. Vol. 41(4). P. 425–432.
25. *Ross N. J., Renold E., Holland S., Hillman A.* Moving Stories: Using Mobile Methods to Explore the Everyday Lives of Young People in Public Care // *Qualitative Research*. 2009. Vol. 9(5). P. 605–623.
26. *Kusenbach M.* Street Phenomenology the Go-along as Ethnographic Research Tool // *Ethnography*. 2003. Vol. 4(3). P. 455–485.
27. *Lee J., Ingold T.* Fieldwork on Foot: Perceiving, Routing, Socializing // *Locating the Field. Space, Place and Context in Anthropology* / Ed. S. Coleman, P. Collins. Oxford: Berg, 2006. P. 67–86.
28. *Wiederhold A.* Conducting Fieldwork at and away from Home: Shifting Researcher Positionality with Mobile Interviewing Methods // *Qualitative Research*. 2015. Vol. 15(5) P. 600 – 615.
29. *Стрельникова А.В.* Метод биографической прогулки: интервью в пространственном измерении // *Современная социология — современной России: Сборник статей VI междунар. научно-практ. конфю памяти А.О. Крыштановского* / Под ред. А.Б. Гофмана, Г.В. Градосельской, И.Ф. Девятко, Д.Х. Ибрагимовой, И.М. Козинной, Л.Я. Косалс, В.А. Мансурова, В.Г. Николаева, О.А. Оберемко, Н.Е. Покровского, Ю.Н. Толстой, А.Ю. Чепуренко, Е.Р. Ярской-Смирновой. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012. С. 665–672.
30. *Spinney J.* A Place of Sense: a Kinaesthetic Ethnography of Cyclists on Mt Ventoux // *Environment and Planning D. Society and Space*. 2006. Vol. 24(5). P. 709–732.

31. King K. Choosing Their Own Paths: Mobile Methodologies for Understanding Youth Lifestyles // *Duncan T., Cohen S., Thulemark M. Lifestyle Mobilities: Intersections of Travel, Leisure and Migration*. London; New York: Routledge, 2013. P. 83–98.

32. Aldred R., Jungnickel K. Constructing Mobile Places between ‘Leisure’ and ‘Transport’: A Case Study of Two Group Cycle Rides // *Sociology*. 2012. Vol. 46(3). P. 523–539.

33. Laurier E. Doing Office Work on the Motorway // *Theory, Culture and Society*. 2004. Vol. 21(4/5). P. 261–277.

34. Nóvoa A. ‘A Country on Wheels’: a Mobile Ethnography of Portuguese Lorry Drivers // *Environment and Planning A*. 2014. Vol. 46. P. 2834–2847.

35. Brembeck H., Hansson N., Vayre J.-S. Life Phases, Mobility and Consumption: An Ethnography of Shopping Routes. London; New York: Routledge, 2016.

36. Plyuscheva A. E. Commuting with New Transport Infrastructure: Change, Cost and Comfort on the Sofia Metro Extension (Thesis Submitted for the degree of doctor of Philosophy University College London). 2016. URL: http://discovery.ucl.ac.uk/1514417/1/Plyusheva_Anna%20Final%20Thesis.pdf (date of access: 19.10.2017).

37. Чарнявска Б. Процесс организации: как его изучать и как писать о нем // *Этнографическое обозрение*. 2010. № 1. С. 6–23.

38. Jones P., Evans J. The Spatial Transcript: Analysing Mobilities through Qualitative GIS // *Area*. 2012. Vol. 44(1). P. 92–99.

39. Jones P., Evans J. Rescue Geography: Place Making, Affect and Regeneration // *Urban Studies*. 2012. Vol. 49(11). P. 2315–2330.

40. Thrift N. Driving in the City // *Theory, Culture & Society*. 2004. Vol. 21(4–5). P. 41–59.

41. Adey P., Bissell D., McCormack D., Merriman P. Profiling the Passenger: Mobilities, Identities, Embodiments // *Cultural Geographies*. 2012. Vol. 19(2). P. 169–193.

42. McDonald S. Studying Actions in Context: a Qualitative Shadowing Method for Organizational Research // *Qualitative Research*. 2005. Vol. 5(4). P. 455–473.

43. Blake K., Stalberg E. Me and My Shadow: Observation, Documentation, and Analysis of Serials and Electronic Resources Workflow // *Serials Review*. 2009. Vol. 35(4). P. 242–52.

44. Gilliat-Ray S. ‘Being There’: The Experience of Shadowing a British Muslim Hospital Chaplain // *Qualitative Research*. 2011. Vol. 11(5). P. 469–86.

45. Miller D. *A Theory of Shopping*. Cambridge: Polity, 1998.

46. Jiron P. On Becoming “la sombra”/ the Shadow // *Büscher M., Urry J., Witchger K. Mobile Methods*. London: Routledge, 2011.

47. Alamo A., Picone M. Shadowing and Qualitative Gis: Tools for Urban Narrations // *Scienze del territorio*. 2015. No. 3: Rebuilding the City. P. 391–399.

48. *Czarniawska B.* Shadowing and Other Techniques for Doing Fieldwork in Modern Societies. Liber, Sweden: Copenhagen Business School Press, 2007.
49. *Gill R., Barbour J., Dean M.* Shadowing in/as Work: Ten Recommendations for Shadowing Fieldwork Practice // *Qualitative Research in Organizations and Management: An International Journal*. 2014. Vol. 9(1). P. 69 – 89.
50. *Vásquez C., Brummans B. H.J.M., Groleau C.* Notes from the Field on Organizational Shadowing as Framing // *Qualitative Research in Organizations and Management: An International Journal*. 2012. Vol. 7(2). P. 144 – 165.
51. *Запольская А. Б.* Метод фотоинтервью в социальных исследованиях: аналитический обзор // *Социология: методология, методы, математическое моделирование*. 2014. № 39. С. 127–156.
52. *Augaurd J.-F.* Step by Step. Everyday Walks in a French Urban Housing Project. Minneapolis; London: Univ. of Minnesota Press, 2007 [1979].
53. *Brown E., Shortell T.* Walking in Cities Quotidian Mobility as Urban Theory, Method, and Practice. Philadelphia: Temple Univ. Press, 2015.
54. *Де Септо М.* Изобретение повседневности. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2014.
55. *Conley K.* Robert Desnos, Surrealism, and the Marvelous in Everyday Life. Lincoln; London: University of Nebraska Press, 2008.
56. *Sadler S.* The Situationist City. Cambridge, MA: the MIT Press, 1999.
57. *Hall T., Lashua B., Coffey A.* Sound and the Everyday in Qualitative Research // *Qualitative Inquiry*. 2008. Vol. 14(6). P. 1019–1040.
58. *Edensor T.* The Ghosts of Industrial Ruins: Ordering and Disordering Memory in Excessive Space // *Environment and Planning D: Society and Space*. 2005. Vol. 23. P. 829–849.
59. *Aoki J., Yoshimizu A.* Walking Histories, Un/making Places: Walking Tours as Ethnography of Place // *Space and Culture*. 2015. Vol. 18(3). P. 273–284.

Zaporozhets Oksana

National Research University Higher School of Economics (NRU HSE),
Moscow, ozaporozhets@hse.ru

“Mobile methods”: studying life in motion

The paper focuses on “mobile methods”. In early 2000s New Mobility Paradigm highlighted the inability of traditional “static methods” to study “life in motion”. Later on, new methods were introduced and traditional ones were revised, which intensified the debate on methodology of studying mobilities. This paper contributes to the ongoing discussion in three ways. Firstly, it makes the distinction between “mobile methods” and “methods of moving with”. Secondly, it analyses and compares three methods of “moving with” including popular “going along”, less known “shadowing” and almost unknown “modal analysis”. The idea to bring together three methods is to show the variety of modes of moving with and thus enrich the Mobility Studies research toolkit. Thirdly, the paper summarizes the pros and cons of “moving with” (and its derivatives) as a research tool. It also puts the debate on “moving with” in a broader context of discussion on “mobile methods” and “methods of mobilities research”.

Keywords: Mobile Turn, mobile methods, methods for mobilities research, go along, shadowing, modal analysis

References

1. Urry J. *Mobilities* (transl., in Russian). M.: Praxis, 2012.
2. Cresswell T., Merriman P. *Geographies of Mobilities: Practices, Spaces, Subjects*. Farnham, Burlington: Ashgate, 2012
3. Adey P., Bissell D., Hannam K., Merriman P., Sheller M. *The Routledge Handbook of Mobilities*. London, New York: Routledge, 2014.
4. Bissell D., Fuller G. *Stillness in a mobile world*. London, New York: Routledge, 2011.
5. Bissell D. Thinking habits for uncertain subjects: movement, stillness, susceptibility, *Environment and planning A*. 2011, 43 (11), 2649–2665.
6. Bissell D. “Narrating Mobile Methodologies: Active and Passive Empiricisms”, in: Fincham B., McGuinness M., Murray L. (eds.). *Mobile Methodologies*. New York: Palgrave Macmillan, 2010. P. 53–68.
7. Endres M., Manderscheid K., Mincke C. *The Mobilities Paradigm: Discourses and Ideologies*. London, New York: Routledge, 2016.
8. Adey P., Bissell D. Mobilities, Meetings, and Futures: An Interview with John Urry, *Environment and Planning D. Society and Space*, 2010, 28 (1), 1–16.

9. Sheller M., Urry J. The new mobilities paradigm, *Environment and Planning A*, 2006, 38, 207–226.
10. Büscher M., Urry J., Witchger K. (eds.) *Mobile Methods*. London: Routledge, 2011.
11. Fincham B., McGuinness M., Murray L. (eds.) *Mobile Methodologies*. New York: Palgrave Macmillan, 2010.
12. DeLyser D., Sui D. Crossing the qualitative-quantitative chasm II: Inventive approaches to big data, mobile methods and rhythm analysis, *Progress in Human Geography*, 2012, 37 (2), 293–305.
13. Voz'yanov A. Vozmozhnosti kak problema. Ob odnom opyte «digitalizirovannogo» samonablyudeniya informantov (in Russian), *Shagi (Steps)*, 2015, 3 (1), 114–126.
14. Glazkov K., Strelnikova A. Mobil'nye metody: dvizhenie kak chast' issledovatel'skoj strategii (in Russian), *INTER*. 2015, 10, 79–90.
15. Bærenholdt J.O., Haldrup M., Larsen J., Urry J. *Performing Tourist Places*. Aldershot: Ashgate, 2004.
16. Spinney J. Close encounters? Mobile methods, (post)phenomenology and affect, *Cultural Geographies*, 2015, 22(2), 231–246.
17. Büscher M. Mobile methods, *Mobile lives forum*. URL: <http://en.forumviesmobiles.org/marks/mobile-methods-697> (date of access: 19.10.2017)
18. Self W. *Psychogeography*. London: Bloomsbury Publishing Plc, 2007.
19. Sinclair I. *London Orbital*. The Walk around the M25. London: Penguin, 2003.
20. Bissell D. Passenger Mobilities: Affective Atmospheres and the Sociality of Public Transport, *Environment and Planning D. Society and Space*, 28 (2), 270–289.
21. Ingold T., Vergunst J. (eds) *Ways of Walking. Ethnography and Practice on Foot*. Burlington: Ashgate, 2008.
22. Laurier E. “Being there/seeing there: recording and analysing life in the car”, in: Fincham B., McGuinness M., Murray L. (eds.) *Mobile Methodologies*. Basingstoke; New York: Palgrave Macmillan, 2010. P. 103–117.
23. Merriman P. Rethinking mobile methods, *Mobilities*, 2014, 9 (2), 167–187.
24. Macpherson H. Walking methods in landscape research: moving bodies, spaces of disclosure and rapport, *Landscape Research*, 2016, 41 (4), 425–432.
25. Ross N.J., Renold E., Holland S., Hillman A. Moving stories: using mobile methods to explore the everyday lives of young people in public care, *Qualitative Research*, 2009, 9 (5), 605–623.

26. Kusenbach M. Street phenomenology the go-along as ethnographic research tool, *Ethnography*, 2003, 4 (3), 455–485.
27. Lee J., Ingold T. “Fieldwork on Foot: Perceiving, Routing, Socializing”, in: Coleman S., Collins P. *Locating the Field. Space, Place and Context in Anthropology*. Oxford: Berg, 2006. P. 67–86.
28. Wiederhold A. Conducting fieldwork at and away from home: shifting researcher positionality with mobile interviewing methods, *Qualitative Research*, 2015, 15(5) P. 600 – 615.
29. Strel'nikova A.V. “Metod biograficheskoy progulki: interv'y u v prostranstvennom izmerenii” (un Russian), in: *Sovremennaya sociologiya — sovremennoj Rossii: Sbornik statej (Modern sociology – for modern Russia)*. M.: HRU HSE, 2012. P. 665–672.
30. Spinney J. A place of sense: a kinaesthetic ethnography of cyclists on Mt Ventoux, *Environment and Planning D. Society and Space*, 2006, 24(5), 709–732.
31. King K. “Choosing their own paths: mobile methodologies for understanding youth lifestyles”, in: Duncan T., Cohen S., Thulemark M. *Lifestyle Mobilities: Intersections of Travel, Leisure and Migration*. London; New York: Routledge, 2013. P. 83–98.
32. Aldred R., Jungnickel K. Constructing Mobile Places between ‘Leisure’ and ‘Transport’: A Case Study of Two Group Cycle Rides, *Sociology*, 2012, 46 (3), 523–539.
33. Laurier E. Doing Office Work on the Motorway, *Theory, Culture and Society*, 2004, 21(4/5), 261–277.
34. Nóvoa A. ‘A country on wheels’: a mobile ethnography of Portuguese lorry drivers, *Environment and Planning A*, 2014, 46, 2834–2847.
35. Brembeck H., Hansson N., Vayre J.-S. *Life Phases, Mobility and Consumption: An Ethnography of Shopping Routes*. London; New York: Routledge, 2016.
36. Plyuscheva A.E. *Commuting with new transport infrastructure: Change, cost and comfort on the Sofia metro extension* (Thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy University College London). 2016. URL: http://discovery.ucl.ac.uk/1514417/1/Plyushteva_Anna%20Final%20Thesis.pdf
37. Czarniawska B. Organizing: how to study it and how to write about it (transl., in Russian), *Etnograficheskoe obozrenie (Ethnographic Review)*, 2010, 1, 6–23.
38. Jones P., Evans J. The spatial transcript: analysing mobilities through qualitative GIS, *Area*, 2012, 44 (1), 92–99.
39. Jones P., Evans J. Rescue Geography: Place Making, Affect and Regeneration, *Urban Studies*, 2012, 49 (11), 2315–2330.

40. Thrift N. Driving in the City, *Theory, Culture & Society*, 2004, 21(4–5), 41–59.
41. Adey P., Bissell D., McCormack D., Merriman P. Profiling the passenger: Mobilities, identities, embodiments, *Cultural Geographies*, 2012, 19 (2), 169–193.
42. McDonald S. Studying actions in context: a qualitative shadowing method for organizational research, *Qualitative Research*, 2005, 5 (4), 455–473.
43. Blake K., Stalberg E. Me and my shadow: observation, documentation, and analysis of serials and electronic resources workflow, *Serials Review*, 2009, 35 (4), 242–52.
44. Gilliat-Ray S. ‘Being there’: The experience of shadowing a British Muslim Hospital chaplain, *Qualitative Research*, 2011, 11 (5), 469–86.
45. Miller D. *A Theory of Shopping*. Cambridge: Polity, 1998.
46. Jiron P. “On becoming “la sombra”/ the shadow”, in: Büscher M., Urry J., Witchger K. *Mobile Methods*. London: Routledge, 2011.
47. Alamo A., Picone M. Shadowing and qualitative Gis: tools for urban narrations, *Scienze del territorio*, 2015, 3 (Rebuilding the city), 391–399.
48. Czarniawska B. *Shadowing and Other Techniques for Doing Fieldwork in Modern Societies*. Liber, Sweden: Copenhagen Business School Press, 2007.
49. Gill R., Barbour J., Dean M. Shadowing in/as work: ten recommendations for shadowing fieldwork practice, *Qualitative Research in Organizations and Management: An International Journal*, 2014, 9 (1), 69 – 89.
50. Vásquez C., Brummans B.H.J.M., Groleau C. Notes from the field on organizational shadowing as framing, *Qualitative Research in Organizations and Management: An International Journal*, 2012, 7 (2), 144 – 165.
51. Zapolskaya A.B. Metod fotointerv’yu v social’nyh issledovaniyah: analiticheskij obzor (in Russian), *Sotsiologiya 4M (Sociology: methodology, methods, mathematical modeling)*, 2014, 39, 127–156.
52. Augaurd J.-F. *Step by Step. Everyday Walks in a French Urban Housing Project*. Minneapolis, London: Univ. of Minnesota Press, 2007 [1979].
53. Brown E., Shortell T. *Walking in Cities Quotidian Mobility as Urban Theory, Method, and Practice*. Philadelphia: Temple Univ. Press, 2015.
54. de Certeau M. *L’Invention du Quotidien* (transl., in Russian). SPb.: Izd-vo Evropejskogo universiteta, 2014.
55. Conley K. *Robert Desnos, Surrealism, and the Marvelous in Everyday Life*. Lincoln; London: University of Nebraska Press, 2008.
56. Sadler S. *The Situationist City*. Cambridge, MA: the MIT Press, 1999.

57. Hall T., Lashua B., Coffey A. Sound and the Everyday in Qualitative Research, *Qualitative Inquiry*, 2008, 14 (6), 1019–1040.
58. Edensor T. The ghosts of industrial ruins: Ordering and disordering memory in excessive space, *Environment and Planning D: Society and Space*, 2005, 23, 829–849.
59. Aoki J., Yoshimizu A. Walking Histories, Un/making Places: Walking Tours as Ethnography of Place, *Space and Culture*, 2015, 18 (3), 273–284.